

РАНИТЕЛИ РАВНОВЕСИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ТЕНЬ
— для —
ИЗГНАННОЙ
СЕСТРЫ

КСЕНИЯ СТЕПАНОВА

Ксения Степанова

Тень для изгнанной Сестры

«Автор»

2026

Степанова К.

Тень для изгнанной Сестры / К. Степанова — «Автор», 2026

Она была проклята с рождения. Изгнана матерью. Чудовищем, которого боялись все. Но когда мир оказался на краю гибели, именно она стала его спасительницей. Морена прошла через ад — триста лет в темнице, тысячи лет ненависти, предательство сестры и собственную тьму. Она выжила. Изменилась. Научилась любить. Но покой оказался хрупким. Новая угроза нависает над миром — охотники хотят воскресить Пустоту с помощью крови последней чистокровной сирены. Кровью Лии. Морена уходит одна, чтобы защитить сестру, и возвращается на остров, где началось её проклятие. Там, на дне, её ждёт не только ответ. Там ждёт встреча с тюремщиком её собственной тьмы — существом, которое не боится ледяного сердца. Тот, кто никогда не видел света. И та, кто боится его. Смогут ли они полюбить друг друга во тьме? И сможет ли Морена принять свою тень, не став чудовищем? «Тень для изгнанной Сестры» — история о том, как тьма становится светом, ненависть превращается в любовь, а изгои находят дом.

© Степанова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ПЕПЕЛ ПРОШЛОГО	5
ГЛАВА 2. ОХОТНИК НА ТЕНЕЙ	11
ГЛАВА 3. ДОГОВОР С БУРЕЙ	14
ГЛАВА 4. ТОТ, КТО НЕ БОИТСЯ ТЬМЫ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Тень для изгнанной Сестры

ГЛАВА 1. ПЕПЕЛ ПРОШЛОГО

Морена стояла на краю обрыва и смотрела вниз.

Там, внизу, билось море — её море, её стихия, её проклятие и её дом. Волны накатывали на чёрные скалы, разбиваясь о них с глухим рыком, и в этом звуке было столько же ярости, сколько в её собственной груди. Она любила море за его силу. И ненавидела за то, что оно никогда не могло её успокоить.

Над головой кружили чайки. Они кричали пронзительно, словно предупреждая о чём-то. Морена подняла голову и проводила их взглядом. Птицы летели на запад, туда, где небо уже начинало темнеть. Греция. Она знала этот маршрут. Она знала этот путь.

Сзади раздался шорох — мягкий, почти неслышимый, но она уловила его за мгновение до того, как ноги коснулись земли. Лия.

— Ты опять здесь, — сказала сестра, и в её голосе не было упрёка. Только боль. Та тихая, глухая боль, которую Морена научилась распознавать за последние два года. — Ты уходишь каждую ночь. Возвращаешься под утро. Иногда с царапинами. Иногда с кровью. Ты думаешь, я не замечаю?

Морена не обернулась.

— Ты слишком много замечаешь, сестра.

— Я — сирена. Мы чувствуем всё.

Лия подошла ближе. Её шаги были бесшумными на камне, но Морена слышала каждое движение. Сестра остановилась рядом, тоже глядя на море, и Морена почувствовала её тепло — нежное, живое, слишком человеческое для сирены. Как она изменилась. Как они обе изменились.

— Что ты делаешь по ночам, Морена? — спросила Лия тихо.

Ветер трепал волосы Морены — длинные, цвета морской пены, которые никогда не лежали смирно. Она провела рукой по лицу, убирая прядь, и на мгновение задумалась, стоит ли говорить правду. Но Лия заслужила правду. Лия всегда заслуживала большего, чем получала.

— Я ищу их, — сказала Морена наконец.

— Кого?

— Охотников. Тех, кто убил нашу мать. Не тех, что мы прогнали в Сицилии. Других. Тех, кто стоит за всеми ними. Тех, кто создал Пустоту в амулетах. Тех, кто знает, кто мы такие, и кто не остановится, пока не уничтожит всех сирен до единой.

Лия побледнела. Её кожа, всегда бледная, стала почти прозрачной — как вода в лунном свете.

— Ты думаешь, они всё ещё существуют?

— Я знаю, что существуют.

Морена наконец повернулась к сестре. Их глаза встретились — два оттенка синего, один глубокий, как бездна, другой светлый, как утреннее небо. Сестры. Враги. Спасительницы. Они прошли через ад вместе и вышли с другой стороны. Но шрамы остались.

— Прошлой ночью я нашла их след, — продолжала Морена. — Они собираются в Греции. На том самом острове, где мать заточила меня. На Крите. Они строят новый храм. Собираются воскресить Пустоту. Не ту, что мы победили. Другую. Более сильную. Им нужна кровь сирены.

Лия почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она не покачнулась — она была сирена, она не падала, — но Морена видела, как побелели костяшки её пальцев, сжатых в кулаки.

— Кровь сирены... Они хотят убить Ариадну?

— Хуже, — Морена сжала кулаки, и в её руках замерцала ледяная корка — её дыхание, её защита, её вечная спутница. — Они хотят убить тебя, Лия. Ты — последняя чистокровная сирена из рода Таллассы. Твоя кровь — ключ к новой Пустоте. Ты — их цель.

Тишина. Только ветер и море, и крики чаек, улетающих всё дальше на запад. Лия смотрела на сестру, и её глаза наполнились слезами — не от страха, не от слабости, а от той же боли, которую Морена чувствовала каждую ночь. От любви.

— Ты не должна делать это одна, — сказала Лия.

Морена отвернулась. Она не могла смотреть на слёзы сестры. Они разрывали её на части.

— Должна. Я — изгнанница. Я — та, кто может пойти на дно и вернуться. Я — та, кому нечего терять. Ты нужна здесь. Калебу. Ариадне. Миру. А я... я нужна там. В тени.

— Морена...

— Я не хочу, чтобы ты видела меня такой, — перебила она, и её голос дрогнул. Она ненавидела эту дрожь. Она ненавидела свою уязвимость. Она ненавидела то, что чувствовала, когда смотрела на сестру. — Я хочу, чтобы ты помнила меня сильной. Не той, кто плакала в темнице. Не той, кто ненавидела весь мир. А той, кто выбрала любовь. Сделай это для меня, Лия. Помни меня светлой.

Лия не выдержала. Она шагнула вперёд и обняла сестру, прижимая к себе так крепко, как только могла. Морена застыла на мгновение — она никогда не умела принимать объятия. Её тело напряглось, руки повисли вдоль тела, но затем, медленно, словно преодолевая века одиночества, она подняла руки и обняла Лию в ответ.

— Ты вернёшься, — прошептала Лия, уткнувшись лицом в её плечо. — Ты вернёшься, слышишь? Я не позволю тебе умереть. Я не позволю тебе уйти. Ты — моя сестра. Единственная, кто остался. Ты вернёшься.

Морена не ответила. Она просто стояла, чувствуя тепло тела сестры, и позволяла себе быть слабой. На мгновение. Всего на одно мгновение.

Потом она отстранилась.

— Мне нужно идти.

— Когда ты уходишь?

— Сегодня. Сейчас. Пока я не передумала. Пока я не решила остаться и позволить им уничтожить тебя.

Лия смотрела на неё, и в её глазах светилось понимание. Она не будет умолять. Она не будет стоять на пути. Она просто будет ждать. Как всегда.

— Я буду ждать тебя, — сказала она. — Каждый день. Каждую ночь. Я буду смотреть на море и ждать, пока ты не выйдешь из воды.

Морена кивнула. Она не могла говорить. Если бы она открыла рот, то сломалась бы. Она знала это.

Она повернулась к обрыву. Океан ждал её. Там, в тёмной глубине, лежал её путь. Её прошлое. Её будущее.

— Скажи Ариадне, что я люблю её, — сказала она, не оборачиваясь. — Скажи, что я люблю всех вас. И что я... что я научилась любить себя. Немного. Может быть. Этого достаточно.

Она шагнула вперёд и нырнула в воду, не дав сестре ответить. Холодная волна сомкнулась над её головой, и мир вокруг стал тихим, глубоким, родным. Только здесь она чувствовала себя собой.

Морена плыла, и вода обнимала её, как старая подруга. Она давно научилась не дышать — её тело было создано для глубин, её лёгкие хранили воздух часами. Она была сиреной. Она была тьмой, которая привыкла жить в полной темноте.

Но внутри неё горел маленький огонёк. Свет. Тот, что зажгли Лия, Кaleb и Ариадна. Он был слабым, едва заметным, как искра в сыром лесу, но он был. И он не давал ей утонуть в собственном отчаянии.

Они идут за тобой, — шептал голос в её голове. — Ты знаешь это. Ты видела это в их глазах. Они хотят твою кровь. Хотят твою сестру. Ты должна остановить их. Ты должна уничтожить их всех, пока они не уничтожили тех, кого ты любишь.

Морена стиснула зубы. Она слышала этот голос каждый день с тех пор, как они победили Пустоту. Он звучал из глубины её души — из той части, которую она считала своей проклятой сутью. Из той части, которую она ненавидела и боялась.

Но этот голос был прав. Она должна была защитить свою семью. Она должна была стать той тьмой, которая уничтожит тьму.

Она плыла вперёд, разрезая воду с лёгкостью, которая давалась только веками тренировок. Вокруг неё проносились рыбы — серебристые стаи, которые шарахались от неё в стороны. Они чувствовали её. Они знали, что она — не просто сирена. Она — та, кто может уничтожить всё на своём пути.

Но сегодня она не хотела уничтожать. Сегодня она хотела защищать.

Она достигла берега Греции на рассвете. Не того пляжа, где они были с Лией, а другого — дикого, каменистого, поросшего оливковыми деревьями, которые росли прямо из скал. Здесь пахло сухой травой, солью и чем-то ещё — чем-то странным, чужим. *Магией.*

Морена вышла на берег, и её ноги коснулись тёплого камня. Она была полностью сухой — вода не смела задерживаться на её коже. Она была воплощением своей стихии.

Остров был тихим. Слишком тихим. Даже птицы молчали.

Она двинулась вглубь, туда, где когда-то стоял храм. Где её мать принесла её в жертву собственному страху. Где её заточили на триста лет. Где она научилась ненавидеть. Где она научилась выживать.

Храм лежал в руинах. Камни, покрытые мхом и лишайником, валялись в хаотичном беспорядке. Но Морена заметила то, что не заметил бы обычный человек: центральная часть была расчищена. Кто-то восстановил алтарь. И на нём горел чёрный огонь.

Она замерла. В её груди что-то дрогнуло — не страх, нет, страх она забыла три тысячи лет назад. Это было что-то другое. Память. Боль. Гнев.

— Я знал, что ты придёшь, — раздался голос из тени.

Она обернулась, и её ледяные клинки уже были в руках, сверкая в тусклом утреннем свете. Из-за колонны вышел мужчина. Высокий, сухой, с кожей серого оттенка, как будто он провёл века под землёй. Его глаза не отражали свет — в них была только пустота. На шее висел амулет из чёрного камня, пульсирующего красным. В руках — посох из обсидиана, увенчанный черепом морского существа.

— Кто ты? — спросила Морена, и её голос прозвучал холоднее, чем она хотела.

Мужчина улыбнулся. В этой улыбке не было ничего человеческого.

— Меня зовут Николай. Когда-то я был охотником. Обычным. Жестоким. Но я понял, что охотники — просто пешки. А я хотел быть игроком.

— Я не играю в игры, — отрезала Морена.

— Ошибаешься. Ты играешь в самую опасную игру из всех. Ты играешь со своей судьбой. И ты проигрываешь.

Он шагнул вперёд, и воздух вокруг него потемнел. Чёрные тени потянулись к нему, как щупальца, облизывая его плечи, руки, лицо. Он был окружён тьмой, которая не принадлежала ни одному известному миру. Тьмой, которая была *живой*.

— Я знаю тебя, Морена, — сказал он, и его голос стал глубже. — Я знаю всё о тебе. Я знаю, что ты была изгнанницей. Что ты ненавидела весь мир. Что ты чуть не уничтожила всё, но в последний момент передумала. Я знаю, что ты боишься своей тьмы. Что ты пытаешься быть светлой. Но ты никогда не станешь светлой.

Он сделал ещё шаг, и тени поползли к ней.

— Ты — тень, Морена. Ты всегда была тенью. И ты будешь тенью. Вопрос только в том, чьей тенью ты станешь.

Морена не отступила. Она смотрела на него с вызовом, сжимая клинки так сильно, что костяшки побелели.

— Я не боюсь тебя, — сказала она.

— Я знаю, — ответил он. — В этом и есть твоя проблема. Ты никогда не боялась тьмы. Ты только боялась стать ею. Но что, если я скажу тебе, что тьма — это не проклятие? Что это — сила? Что это — власть? Что это — свобода?

Он протянул руку, и в его ладони замерцал огонёк — не свет, а отсутствие света. Пустота. Она была крошечной, почти незаметной, но Морена чувствовала её всем своим существом.

— Отдай мне свой страх, — прошептал он. — Отдай мне свою боль. Я превращу их в силу. И ты станешь той, кем всегда должна была быть. Богиней.

Морена смотрела на его руку. В её голове шумело море — не то, что снаружи, а то, что внутри неё, то, что всегда было её силой и её проклятием. Она слышала голос тьмы, который шептал ей: *«Возьми. Возьми её. Ты заслуживаешь этого. Ты заслуживаешь власти. Ты заслуживаешь быть сильной»*.

Она почти протянула руку.

Но в этот момент она вспомнила Лию. Её объятие. Её слёзы. Её слова: *«Ты — моя сестра. Единственная, кто остался. Ты вернёшься»*.

Морена опустила руки.

— Нет, — сказала она. — Я не отдам тебе свой страх. Он мой. Он часть меня. И я не хочу избавляться от него. Я хочу научиться жить с ним.

Николай улыбнулся. В его улыбке не было разочарования — только странное, холодное понимание.

— Ты сильнее, чем я думал, — сказал он. — Это хорошо. Это делает игру интереснее. Я подожду. У нас есть время. У меня — вечность. А у тебя — ровно столько, сколько ты готова ждать.

Он растворился в тенях, оставив после себя запах железа и древней магии. Тени сомкнулись за ним, и через мгновение он исчез полностью.

Морена осталась одна в разрушенном храме. Её клинки дрожали в руках, и она не знала, от чего — от холода или от ярости. Она смотрела на то место, где стоял Николай, и чувствовала, как внутри неё закипает гнев.

— Я найду тебя, — прошептала она. — Я найду тебя и уничтожу. Я не позволю тебе причинить вред моей семье. Я не позволю тебе использовать меня.

Она вышла из храма и направилась обратно к морю. Над островом сгустились тучи, и первые капли холодного дождя упали на её лицо.

Она не знала, что делать. Впервые в жизни она встретила того, кто не боялся её тьмы. Кто хотел её использовать. Кто предлагал ей силу, от которой она так долго отказывалась.

Я должна найти его снова, — подумала она, входя в воду. — Я должна понять, что ему нужно. И я должна остановить его. Любой ценой.

Она нырнула в глубину, и холод обнял её, как старая подруга. Море приняло её, укрыло от дождя, от ветра, от мира. И в этом объятии она чувствовала себя... почти спокойной.

Ты не боишься тьмы, — эхом отозвался голос Николая. — Но что, если тьма — это твой дом? Что, если ты не изгнанница? Что, если ты — его хозяйка?

Морена закрыла глаза и позволила течению унести её вниз — в глубины, где никто не мог её найти. Она не знала, что будет дальше. Но она знала одно: она не позволит страху управлять собой. Она не позволит тьме управлять собой.

Она сама будет управлять своей тенью.

Или умрёт, пытаясь.

ГЛАВА 2. ОХОТНИК НА ТЕНЕЙ

Морена вынырнула на поверхность в полукилометре от берега Крита. Вода была тёплой, почти ласковой, но внутри неё всё ещё бушевал холод. Не тот, что шёл извне. Тот, что жил в ней самой.

Она запрокинула голову и посмотрела на небо. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая облака в багровые и золотые тона. Красиво. Слишком красиво для места, где она только что встретила того, кто хотел украсть её душу.

Николай.

Она сжала кулаки, и вода вокруг её рук заледенела, превращаясь в тонкую корку. Она ненавидела это имя. Она ненавидела то, как он смотрел на неё. Как он говорил с ней. Как он предлагал ей то, чего она боялась больше всего — власть над собственной тьмой.

«Отдай мне свой страх, — сказал он. — Отдай мне свою боль. Я превращу их в силу».

Она вспомнила его руку, протянутую к ней. Чёрные вены, пульсирующие под кожей. Огонёк в ладони — не свет, а отсутствие света. Пустота. Новая. Свежая. Голодная.

Она почти взяла её. Почему? Почему она, сирена, пережившая триста лет в темнице, прошедшая через разлом и победившая Пустоту, — почему она чуть не согласилась?

Потому что он сказал то, что она всегда хотела услышать.

«Ты станешь той, кем всегда должна была быть. Богиней».

Морена ударила по воде, и волна взметнулась вверх, обдавая её холодными брызгами.

— Я не хочу быть богиней! — крикнула она в пустоту. — Я хочу быть собой!

Ответа не было. Только крики чаек и плеск волн.

Она добралась до берега, когда солнце уже почти скрылось за горизонтом. пляж был пустынным — ни туристов, ни рыбаков, ни случайных прохожих. Только она и море. И тени, которые начинали сгущаться в сумерках.

Морена вышла на песок и направилась к скалам. Над островом витал странный запах — металлический, острый, как кровь и железо. Она чувствовала его каждой клеткой своего тела. Это был запах магии. Древней. Тёмной. И очень знакомой.

Они строят новый храм, — подумала она. — Они восстанавливают то, что мы разрушили.

Она поднялась на скалу и замерла.

Внизу, в небольшой бухте, кипела работа. Десятки фигур в чёрных плащах двигались между руинами древнего храма, переносили камни, зажигая факелы, чертя на земле огромные круги из чёрного песка. В центре бухты стоял алтарь, такой же, как тот, что она видела в разломе, но больше. И на нём горел чёрный огонь.

Пустота, — поняла она. — Они пытаются призвать её снова. Но это не та Пустота. Другая. Моложе. Голоднее. И они используют её как оружие.

В её груди закипел гнев. Она хотела спуститься вниз и уничтожить всех их. Разорвать на части. Стереть с лица земли. Но голос разума, тот самый, который она так часто игнорировала, прошептал ей: *«Не сейчас. Ты одна. Их слишком много. Ты должна узнать, кто их лидер. Ты должна понять, что они задумали».*

Она сжала зубы и отступила в тень скалы.

И в этот момент она услышала голос за спиной.

— Ты не глупа, Морена. Я это ценю.

Она резко обернулась, и её ледяные клинки уже были в руках. Перед ней стоял Николай. Тот же серый оттенок кожи, те же пустые глаза, тот же амулет на шее, пульсирующий красным. Он смотрел на неё с лёгкой улыбкой, как будто они были старыми друзьями.

— Ты следил за мной, — сказала она, и её голос прозвучал как лезвие.

— Я ждал тебя. Это моя территория, Морена. И я знал, что ты придёшь. Ты всегда приходила туда, где пахло кровью. Это твоя природа.

— Я здесь не для того, чтобы убивать.

— О, я знаю, — он шагнул ближе, и она почувствовала, как воздух вокруг него становится тяжелее. — Ты здесь, чтобы защищать свою сестру. Свою семью. Это благородно. Но я должен спросить: ты действительно думаешь, что сможешь остановить нас?

— Я уже останавливала Пустоту однажды. Остановлю и сейчас.

— Ты остановила *слабую* Пустоту, — его улыбка стала шире. — Ту, что была загнана в угол. Ту, что тысячелетия томилась в заточении. Но мы создаём новую. И она не будет ждать. Она будет питаться вашими страхами, вашей болью, вашей любовью. И вы не сможете её остановить. Ни вы, ни ваша сестра, ни ваш полубог.

Морена сжала клинки так сильно, что лёд на них начал трескаться.

— Я не позволю вам тронуть мою семью.

— Я и не собираюсь их трогать, — сказал Николай, и в его голосе вдруг появилась странная искренность. — Я хочу не уничтожить их. Я хочу использовать их. Их силу. Их кровь. Их любовь. Всё это — топливо для Пустоты. Чем сильнее они любят, тем больше страха они чувствуют. А страх — это пища.

Он сделал ещё шаг вперёд, и теперь они стояли так близко, что Морена видела каждую тень на его лице.

— Но я не хочу брать их силой, Морена. Я хочу, чтобы ты привела их ко мне. Добровольно.

— Никогда, — прошипела она.

— Подумай. Если ты приведёшь их, я обещаю, что не причиню им вреда. Они станут частью чего-то великого. Они станут частью нового мира. Мира, в котором нет боли, нет страха, нет потерь. Весь мир станет одним. Без разделений. Без вражды. Без ненависти. Только покой.

— Это не покой, — сказала Морена. — Это смерть.

— Нет, — Николай покачал головой. — Это освобождение. От всего, что делает вас слабыми. От чувств. От любви. От боли. Представь, Морена. Ты больше никогда не будешь бояться. Ты никогда не будешь страдать. Ты никогда не будешь одна. Ты станешь частью всего.

Он протянул руку, и в его ладони снова замерцал тот самый огонёк — пульсирующий, живой, зовущий.

— Я предлагаю тебе не разрушение, Морена. Я предлагаю тебе свободу. Свободу от твоей боли. Свободу от твоей ненависти. Свободу от всего, что делает тебя слабой. Ты просто перестанешь быть.

Морена смотрела на его руку. В её голове шумели голоса — те, что шептали ей о покое, о тишине, о конце мучений. Ведь она так устала. Тысячи лет боли, ненависти, одиночества. И только два года счастья, которые казались ей сном. Сном, который мог закончиться в любой момент.

«Перестань бояться, — шептал голос Николая. — Перестань страдать. Просто отпусти. Стань ничем. И ты обретёшь всё».

Она почти протянула руку. Почти коснулась его ладони.

Но в тот момент она вспомнила лицо Лии. Сестры, которая плакала на её плече. Которая ждала её каждый день. Которая сказала: *«Ты вернёшься»*.

Она вспомнила Ариадну — девочку с глазами, полными звёзд, которая называла её тётей и верила в неё, даже когда она сама в себя не верила.

Она вспомнила Калеба — полубога, который когда-то ненавидел её, а теперь называл семьёй.

Она опустила руку.

— Нет, — сказала она твёрдо. — Я не стану частью твоего ничто. Я выбираю боль. Я выбираю страх. Я выбираю любовь. Потому что это — единственное, что делает меня живой.

Николай улыбнулся, и в его улыбке не было разочарования. Только холодное, терпеливое любопытство.

— Ты сильнее, чем я думал, — сказал он. — Это делает игру интереснее. Я дам тебе время подумать. Но ты должна знать: Пустота уже близко. И когда она придёт, она не будет ждать твоего согласия. Она просто возьмёт то, что хочет. Твою сестру. Твою семью. Твою любовь. Всё, что тебе дорого.

Он начал растворяться в воздухе, его фигура становилась всё более прозрачной.

— Ты сможешь остановить меня, Морена? Ты сможешь остановить Пустоту? Ты сможешь спасти их без моей помощи? — его голос эхом разнёсся по скалам. — У тебя есть три дня. Потом я приду за твоим ответом. Выбирай мудро.

И он исчез.

Морена осталась одна на скале. Ветер дул с моря, холодный и солёный, и она чувствовала, как внутри неё бушует буря.

Три дня, — думала она. — Три дня, чтобы найти способ остановить его. Три дня, чтобы спасти свою семью. Три дня, чтобы понять, кто я на самом деле.

Она сжала кулаки и посмотрела на закат. Небо было багровым, как кровь.

Я найду способ, — сказала она себе. — Я должна найти. Ради них. Ради себя. Ради всего, что я люблю.

Она шагнула с края скалы и нырнула в море. Вода приняла её, холодная и тёмная, как её душа. Но в глубине, где-то на самом дне, она чувствовала маленький огонёк. Тот, что зажгли в ней сёстры. Тот, что дал ей надежду.

Она плыла вперёд, разрезая волны. В руке она сжимала амулет, который дал ей Дамиан — тюремщик из прошлого, тот, кто ждал её в темнице. Он пульсировал в такт её сердцу, и она чувствовала, как он наполняет её силой. Не той, что разрушает. Той, что защищает.

Я не одна, — поняла она. — У меня есть они. И я не позволю никому отнять их у меня.

Она нырнула глубже, в самую тьму, и позволила себе поверить, что завтра наступит новый день.

ГЛАВА 3. ДОГОВОР С БУРЕЙ

Морена плыла, не зная куда.

Вода была тёплой, почти ласковой, но внутри неё всё ещё бушевал холод. Тот, что поселился там после встречи с Николаем. Тот, что шептал ей: *«Ты одна. Ты всегда была одна. Ты всегда будешь одна»*.

Она пыталась заглушить этот голос. Она думала о Лие, о её объятиях на скале. Она думала об Ариадне, о её звёздных глазах, которые смотрели на неё с такой верой, что у неё перехватывало дыхание. Она думала о Калеве — о том, как он, полубог, который когда-то ненавидел всех сирен, называл её семьёй.

Но голос внутри неё был сильнее.

«Ты — тень, Морена. Ты всегда была тенью. И ты всегда будешь тенью».

Она остановилась в центре тёмной воды, закрыла глаза и позволила себе утонуть в собственных мыслях. Где-то там, в глубине, она чувствовала пульс Источника — тот самый, что связывал её с Лией и Калевом. Он был слабым, но живым. Он был напоминанием о том, что она не одна.

Но этого было недостаточно.

— Что мне делать? — прошептала она в пустоту.

И в этот момент её кожу обожгло.

Она не знала, что это было — вспышка молнии? Волна боли? Но она почувствовала, как всё её тело пронзает электрический разряд, и вода вокруг неё закипела, превращаясь в пар.

Морена открыла глаза и увидела его.

Он стоял на поверхности воды, как на твёрдой земле. Высокий, величественный, с волосами цвета грозового неба и глазами, в которых бушевали ураганы. Его кожа была испещрена молниями, как татуировками, и от него исходила сила, от которой у неё перехватывало дыхание.

Эвронус. Бог бури. Отец Калева.

— Ты звала меня, — сказал он, и его голос звучал как гром вдалеке. — Не словами. Душой. Я услышал.

Морена вынырнула на поверхность и встала перед ним на воде, как равная. Она не боялась его. Она никогда не боялась богов.

— Я не звала тебя, — сказала она. — Я говорила сама с собой.

— Разве есть разница? — Эвронус улыбнулся, и в его улыбке было что-то древнее, как само время. — Ты кричала в пустоту, и я ответил. Ты хотела, чтобы тебя услышали. Я услышал.

Он сделал шаг к ней, и вода под его ногами застыла, превращаясь в лёд.

— Я знаю, что ты встретила Николая. Я знаю, что он предложил тебе сделку. И я знаю, что ты отказалась. Это было мудро.

Морена нахмурилась.

— Откуда ты знаешь?

— Я — бог, Морена. Я вижу всё, что происходит в мире, который касается Источника. Ты, Лия, Калев — вы связаны с ним. Я чувствую вас. Я чувствую твою боль. Я чувствую твой страх.

Он протянул руку, и в его ладони замерцала молния — не смертельная, а тёплая, как солнечный луч.

— Но я чувствую и твою силу. Ты сильнее, чем думаешь. Ты прошла через ад и выжила. Ты приняла свою тьму. Ты научилась любить. Это делает тебя сильнее любого бога.

Морена смотрела на него, и в её груди закипало что-то странное — смесь гнева, недоверия и... надежды. Она не знала, можно ли доверять богу, который когда-то заточил её в разломе. Но в его глазах она не видела лжи.

— Зачем ты пришёл? — спросила она.

— Чтобы предложить тебе договор.

Он опустил руку, и молния погасла.

— Ты хочешь остановить Николая. Ты хочешь защитить свою семью. Но ты не знаешь, как. Ты ищешь силу. Ты ищешь ответы. Я могу дать тебе их.

— И что ты хочешь взамен? — Морена сжала кулаки. — Никто не даёт ничего просто так. Особенно боги.

Эвронус посмотрел на неё с грустью, которая могла затопить океаны.

— Я ничего не хочу взамен, Морена. Я хочу помочь тебе. Потому что ты — моя дочь. Не по крови, но по духу. Ты прошла через то же, что и я. Ты была изгнана. Ты была проклята. Ты ненавидела всех, кто тебя окружал. Но ты нашла в себе силы простить. Ты нашла в себе силы полюбить. Ты сильнее, чем любой бог, которого я знаю.

Он шагнул к ней, и теперь они стояли так близко, что она могла видеть каждую искру в его глазах.

— Я не могу дать тебе силу, Морена. Ты должна найти её сама. Но я могу показать тебе путь. Ты должна спуститься туда, где всё началось. В темницу, где мать заточила тебя. Там, на дне, лежит твой истинный дар. Не проклятие. Дар. Ты должна принять его.

— Какой дар? — спросила Морена, и её голос дрогнул. — Я уже слышала это. Николай обещал мне то же самое.

— Николай обещал тебе власть, — сказал Эвронус. — Я обещаю тебе свободу. Власть — это то, что забирает. Свобода — это то, что даёт. Ты должна выбрать, что тебе нужно.

Он положил руку на её плечо, и Морена почувствовала, как по телу разливается тепло. Не жар — тепло. Тёплая волна, которая омывала каждую клеточку её тела, как морской прилив.

— Ты не должна делать это одна, — сказал он. — Но ты должна сделать это. Для себя. Не для Лии. Не для мира. Для себя. Потому что ты заслуживаешь быть свободной.

Морена смотрела на него, и в её глазах заблестели слёзы. Она не плакала уже много лет. Она думала, что разучилась. Но сейчас, глядя в глаза бога, который когда-то был её врагом, она чувствовала, как слёзы текут по щекам.

— Я боюсь, — прошептала она. — Я боюсь, что если я приму свою тьму, я стану чудовищем. Я боюсь, что причиню боль тем, кого люблю.

— Ты боишься, — сказал Эвронус. — Это и есть твоя сила. Не тогда, когда его нет. А тогда, когда он есть, но ты идёшь вперёд. Ты боишься, Морена. Но ты всё равно пытаешься защитить свою семью. Ты пришла на Крит одна, чтобы остановить охотников. Ты сделала это, потому что любишь. И это — твой свет.

Он убрал руку, и Морена почувствовала, как тепло уходит, оставляя после себя только холод и тишину.

— Иди, дочь, — сказал он. — И не бойся. Ты — не тень. Ты — буря, которая не знает, что умеет быть тихой. Но ты научишься. Я верю в тебя.

Эвронус начал исчезать, его фигура таяла в воздухе, как туман на рассвете.

— Подожди! — крикнула Морена. — Я не понимаю. Почему ты помогаешь мне? Я пыталась убить твоего сына. Я хотела уничтожить мир. Я была чудовищем.

Голос Эвронуса донёсся из ниоткуда — тихий, как шелест волн, но отчётливый, как удар грома.

— Ты была чудовищем, Морена. Но ты перестала им быть. Это самое трудное, что есть в мирах. Сложнее, чем сражаться. Сложнее, чем умирать. Ты изменилась. Ты выбрала любовь. И этого достаточно.

Он исчез, оставив после себя запах озона и надежды.

Морена стояла на воде, и в её груди билось сердце — быстрее, чем когда-либо. Она смотрела на то место, где стоял Эвронус, и чувствовала, как внутри неё зажигается новый огонь. Не тот, что сжигал. Тот, что согревал.

Я должна спуститься в темницу, — подумала она. — Туда, где всё началось. И принять свой истинный дар. Я должна сделать это. Для себя. Ради Лиш. Ради Ариадны. Ради Калеба. Ради тех, кого я люблю.

Она сделала глубокий вдох и нырнула под воду. Холодная тьма сомкнулась над её головой, и она почувствовала, как течение увлекает её вниз — туда, где её ждало прошлое. Туда, где её ждала судьба.

Я иду, — сказала она себе. — Я иду, чтобы принять свою тьму. И я не вернусь, пока не стану той, кем должна быть.

Она плыла вниз, в самое сердце бездны, и в руке она сжимала амулет, который дал ей Дамиан. Он пульсировал в такт её сердцу, и она чувствовала, как он наполняет её силой. Не той, что разрушает. Той, что защищает.

Я не одна, — поняла она. — У меня есть сила. У меня есть любовь. У меня есть они. И я не позволю никому отнять их у меня.

Она плыла в темноте, и ей казалось, что она никогда не достигнет дна. Но она продолжала двигаться вперёд, потому что знала: там, внизу, её ждёт ответ. Там, внизу, её ждёт она сама.

ГЛАВА 4. ТОТ, КТО НЕ БОИТСЯ ТЬМЫ

Она плыла в темноте, и время вокруг неё потеряло смысл.

Морена не знала, сколько прошло — час, день, вечность. Вода была её стихией, но на этой глубине даже она чувствовала себя чужой. Давление сжимало лёгкие, холод проникал в самую душу, а тьма вокруг была такой плотной, что её можно было потрогать руками.

Но Морена не боялась. Она никогда не боялась темноты. Темнота была её домом задолго до того, как она научилась любить свет.

Она искала вход. Тот самый, который вёл в её прошлое. В темницу, где мать заточила её три тысячи лет назад. В место, где она научилась ненавидеть. Где она научилась выживать. Где она оставила часть себя — ту, что так и не смогла вернуть.

«Ты должна спуститься туда, где всё началось», — сказал ей Эвронус. — «Там, на дне, лежит твой истинный дар. Не проклятие. Дар. Ты должна принять его».

Она не знала, что это за дар. Она не знала, зачем он ей. Но она знала, что если хочет остановить охотников — если хочет защитить сестру, племянницу, свою новую семью — она должна стать сильнее. Она должна принять то, от чего так долго бежала.

Вход появился внезапно — чёрная трещина в скале, скрытая водорослями и песком. Морена узнала бы его из тысячи. Она помнила каждый камень, каждую щель, каждую царапину на стенах. Она провела здесь триста лет. Она знала это место лучше, чем собственное тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.